

**МАССОВОЕ ВЕРСТАНИЕ ЯБЛОНОВСКИХ КАЗАКОВ И СТРЕЛЬЦОВ
В ДЕТИ БОЯРСКИЕ В 1646—1648 гг. (НА ПРИМЕРЕ ПОМЕЩИКОВ
ДЕРЕВНИ КУЗЬКИН ВЕРХ)**

Д.Е. Евсюков,
г. Москва

В статье рассмотрена практика массового верстания в дети боярские яблоновских казаков, стрельцов и их родственников, и образование на территории уезда новых населенных пунктов во 2-й половине 40-х гг. XVII в. Связанный с этим процесс делопроизводства детально проанализирован на примере нововерстанных детей боярских деревни Кузькин Верх (ныне село Верхнее Кузькино).

Ключевые слова и фразы: *Яблоновский уезд, Белгородская черта, Халанский стан, село Кузькино, поместье, дети боярские.*

В первые годы после постройки в 1637 г. города Яблонова дети боярские в Яблоновском уезде были только в деревне Тростенец, основанной в 1640 г. В различных списках служилых людей, челобитных и других документах они выделяются в отдельную группу наряду с казаками, стрельцами, пушкарями, а также голубинскими поместными казаками и именуются «тростенецкие помещики». В последующие годы рост численности этой служилой корпорации в уезде происходил во многом за счет передачи территорий соседнего Оскольского уезда, населенных детьми боярскими¹. Так, в 1644 г. к Яблоновскому уезду были отписаны «халанские помещики» — дети боярские села Халани с деревнями Прилепы и Ковыльная, а в 1653 г. присоединена большая часть земель Орлицкого стана.

Во второй половине 1640-х гг. яблоновскими воеводами внедряется практика пополнения рядов детей боярских за счет внутренних источников, а на вновь присоединенных территориях начинается активное образование новых населенных пунктов. Так, в 1646—1648-х гг. в уезде были основаны деревни Кузькин Верх (Кузькино), Лозное, Васильев Дол и Порточная поляна (Порточное, Проточное). В документах появляются новые группы служилых людей: «кускинские», «лозновские» и т. п. помещики.

Появление новых поселений выглядит вполне закономерно. Строительство Яблоновского участка Белгородской черты было завершено в начале 1640-х гг., таким образом большая часть территории уезда получила надежную защиту с юга. Это позволило осваивать новые земли, лежавшие выше по течению речек Ольшанки, Халани и Холка (притоки Оскола), где раньше

селиться было опасно, так как поблизости — по водоразделу рек Северского Донца и Оскола — проходил Изюмский шлях.

Ключевой особенностью в данном процессе стало массовое верстание воеводами в дети боярские в 1646—1648 гг. яблоновских казаков и стрельцов, а также их родственников. Такая практика позволила, с одной стороны, закрыть потребность в данной категории служилых людей, которые на летнее время (с 1 мая по 1 ноября) регулярно привлекались «для береженья от татарского прихода» из числа детей боярских других уездов (Мценск, Орел, Чернь) в количестве до 200 чел.², а с другой стороны, решить вопрос с устройством новых потенциальных воинов, выросших в семьях казаков и стрельцов со времени их переселения в Яблонов.

Случаи верстания в дети боярские представителей других сословий неоднократно привлекали внимание исследователей³ и не являются чем-то уникальным, хотя должны были подкрепляться соответствующими указами сверху. В данном случае отметим особый размах данных мероприятий, в ходе которых контингент детей боярских в уезде увеличился в несколько раз, а поместные земли в уезде получили 200 нововерстанных детей боярских — по 50 чел. в каждой из упомянутых выше четырех деревень. Первой из них была основана деревня Кузькин Верх (ныне Верхнее Кузькино), на примере которой и будут рассмотрены характерные особенности данного процесса: верстание в службу, отдел земли, а также выдача подъемных. В отношении других населенных пунктов процессы протекали схожим образом и будут детально рассмотрены в отдельных публикациях.

Необходимо отметить, что степень сохранности документов, отражающих рассматриваемые события, не позволяет восстановить точную хронологию с датами верстания и основания вышеперечисленных населенных пунктов. Как будет показано ниже, при проведении смотров служилых людей, верстании новиков в дети боярские и выделении им земли в поместья воеводы Яблонова аккуратно записывали результаты в соответствующие книги (смотренные, верстальные, отдельные и др.), один экземпляр которых отправляли в Москву, а второй оставляли в Яблоновской приказной избе. Так, согласно описи документов Разрядного приказа, составленной под руководством дьяка Д.М. Башмакова в 1668 г.⁴, первые экземпляры этих документов находились на хранении в архиве Разрядного приказа в Москве. В настоящее время, по-видимому, оба экземпляра утрачены.

Реконструкция событий проведена на основе упоминаний об утраченных документах, а также фрагментах их содержания, приведенных в различных челобитных, воеводских отписках и царских грамотах, отложившихся в фондах Разрядного приказа и Межевого архива РГАДА.

Предысторией к выделению земли будущим помещикам деревни Кузькин Верх стала челобитная одного яблоновского казака, боевой путь которого довольно любопытен сам по себе и может служить ярким примером нелегкой судьбы служилого чел.а на порубежье в XVII в. В первой половине 1644 г. яблоновский казак Симон Семенов сын Войлоков подал в Москве челобитную, в которой сообщил, что начал службу капралом еще в солдатском полку В. Росформа, с которым участвовал в боях под Смоленском, затем (по-видимому, с начала 1634 г. — Д.Е.) пять лет служил десятником в приказе московских стрельцов Л. Лопухина, после чего с «охочие люди» записался в казаки и прибыл на «вечное житье» в новопостроенный город Яблонов. Прослужив здесь два с половиной года, при воеводе Б.И. Пушкине в бое с татарами в 1640/41 г. был трижды ранен и уведен в плен, где пробыл три г. — сначала в Кафе (Феодосии. — Д.Е.), затем в Царьграде, причем жена и дети его все это время оставались в Яблонове. В 1643/44 г. ему удалось сбежать из плена в Шемахы (ныне территория Азербайджана. — Д.Е.), оттуда через Астрахань добраться до Москвы, где он и подал челобитную, в которой просил за все описанные тяготы службы поверстать его в дети боярские по Яблонову⁵.

Перекрестная проверка документов показала следующее. Факт пленения Войлокова подтвердился, однако произошел несколько позже. Так, 23 декабря 1641 г. Симон еще находился в Яблонове — он упомянут в яблоновских приходно-расходных книгах (купил четь проса)⁶. Но уже менее чем через две недели, 3 января 1642 г., был взят в плен. В этом бою, согласно отчету воеводы Пушкина, участвовало 400 яблоновских и корочанских служилых людей (казаки, стрельцы и пушкари) — под командованием сотника Ильи Елизарова они бились с крымскими татарами под Халанским лесом и у Мелового острожка. В списке взятых в плен служилых людей среди казаков, верстанных из московских стрельцов, находим и имя десятника Симона Семенова (в данном документе он записан без фамилии, что было характерно для московских стрельцов)⁷. Из документов о беглых служилых известно также, что вторую часть избы Войлокова занимал другой казак, бывший московским стрельцом — Титко Елизарьев сын Портной мастер (родом из Воронежа), который в том же (1641/42) году сбежал со службы. Таким образом, не исключено, что хозяйство Симона в Яблонове не сохранилось, поскольку в подобных случаях освободившиеся избы могли использовать под нужды воеводы (например, на строительство съезжей избы или тюрьмы) или отдавали верстанным в службу вместо сбежавших и взятых в плен. Такой факт мог стать для Симона дополнительным стимулом к верстанию в дети боярские, что позволило бы ему получить подъемные на строительство и начать новую жизнь.

Дело по челобитной С. Войлокова было решено положительно. Об этом свидетельствует дьяческая помета от 30 июня и отпуск грамоты яблоновскому воеводе Боборыкину от 10 июля 1644 г., согласно которым Симона «за смоленскую службу» 141 и 142 г. (т. е. 1632/33 и 1633/34 гг.) и «за полонное терпение» велено верстать в дети боярские («нашу службу служить в Яблонове с детьми боярскими») с поместным окладом 200 четей и денежным 8 руб⁸.

Однако по какой-то причине Боборыкин за оставшиеся семь месяцев нахождения на посту воеводы Яблонова поручения о верстании не выполнил. Войлокову пришлось прождать более полутора лет, прежде чем он получил чин сына боярского, а произошло это уже при следующем воеводе. В последующие годы он уже выступает подателем коллективных челобитных от служилых людей.

Одним из эпизодов этого процесса является грамота из Разрядного приказа за подписью думного дьяка М. Волошенинова, которую воевода С.А. Измайлов получил 4 августа 1645 г. и согласно которой ему было велено верстать поместными и денежными окладами «Яблонова города, да из разных городов детей боярских»: большой статье по 150 четей и 5 руб., средней — по 100 четей и 4 руб., а меньшей — по 70 четей и 3 руб., и выделить из порозжих земель по 30 четей человеку. Один экземпляр верстальных десятен и отдельных книг за своей подписью необходимо было прислать в Москву, а второй экземпляр оставить у себя («велено держать в Яблонове в съезжей избе»)⁹.

Впрочем, точную дату верстания установить пока не удалось. В упомянутой выше описи архива Разрядного приказа за 1668 г. присутствует следующий заголовок дела: «книга новичного верстанья Семена Измайлова яблонцев детей боярских Симонка Войлокова с товарищи 153-го году, за Семеновою рукою Измайлова»¹⁰. Кроме того, там же упомянуты «книги отдельные мецнянина Игнатя Гринева дворовым усадьбам с огородом, и гумном, и пашенным землям яблоновским нововерстаным детем боярским Симанку Войлокову с товарищи» за 154 год¹¹. Забегая вперед, следует отметить, что дети боярские в своих челобитных утверждали, что воевода Измайлов верстал их в 154 году, следовательно в описи 1668 г. год верстальных десятен, по-видимому, указан с ошибкой. Кроме того, если предположить, что воевода все-таки поверстал их в 153 году, это могло произойти (с учетом датировки вышеприведенной грамоты) только в августе 1645 г., но тогда это противоречит некоторым другим фактам, о чем будет сказано ниже. Поэтому для дальнейшего анализа будем считать, что Войлоков с товарищами верстан в дети боярские в 154 году. Отталкиваясь от этой информации, можно сказать, что верстание данной группы служилых людей и выделение им земли в поместья произошли в промежуток времени с сентября 1645 г. по август 1646 г. Вместе с тем анализ деталей данного делопроизводства, а также упоминания фигурантов дела, отложившиеся в других документах, позволили сузить возможный период, в который произошли рассматриваемые события.

Так, воевода Измайлов в своей отписке, которую Войлоков доставил в Разряд 3 марта 1646 г., отчитывается о выполненном поручении — верстании детей боярских, приведении их к кресту,

выделении земли и отправке соответствующих книг в Москву. Согласно имеющейся в деле разрядной выписке, верстальные десятни поступили в Разряд в тот же день, следовательно само верстание состоялось до 3 марта. Всего Измайлов поверстал в дети боярские 29 чел. и назначил им следующие оклады: одному чел.у поместный оклад «с придачею за Смоленскую службу и за полное терпение» 200 четей и 7 руб. (это очевидно Войлоков, но размер денежного оклада на 1 руб. меньше указанного в отпуске грамоты 1644 г.), 21 чел. — по 150 четей и 5 руб., 7 чел. — по 100 четей и 4 руб.¹²

Если временным ограничением сверху по времени верстания является дата поступления воеводской отписки в Разряд, то нижнюю границу помог установить следующий документ. Часть имен челобитчиков удалось обнаружить в послужных списках казаков за 1644/45 г., а двое из них: Степан Зайцев и Ларион Титов — упомянуты среди конных казаков сотни Ивана Скулеева, участвовавших в бое 28 декабря 1645 г. («бились явственно»)¹³, то есть на тот момент они еще находились в казачьей службе. Таким образом, приведенные выше факты, позволяют уточнить временной интервал, в течение которого произошло верстание челобитчиков в дети боярские и выделение им земли в поместья, а именно в январе-феврале 1646 г.

Кроме упомянутых документов Войлоков привез в Москву и новую коллективную челобитную, в которой он вместе с другими нововерстанными детьми боярскими (всего 29 чел.) просили о выдаче «селитебного» и годового жалования. Они поясняли, что воевода Измайлов, верстав их в службу в 154-м году и выделив землю в поместье, «жалованья годового денежного и на селидбу» им не дал, тогда как тростенецким помещикам в 1640/41 г. выдано по 7 руб. человеку «на дворовую селитьбу», а также по 5 руб. годового жалования, кроме того, в 1644/45 г. им же дано еще по 5 руб. человеку.

На основании имевшегося прецедента будущие жители Верхнего Кузькина просили выдать им жалование в том же размере (по 7 руб. — на строительство и по 5 руб. — годового, итого на 29 чел. — 348 руб.), чтобы «перед своею братьею оскорбленным не быть, и в конец не погибнуть, и голодную смертью не помереть». По имеющимся в деле пометам видно, что дело циркулировало в Разряде в течение марта 1646 г., а 17 марта в приказ Большого прихода отправлена соответствующая память¹⁴.

В том же месяце дело решено положительно, однако размер жалования был уменьшен и ограничен только разовой субсидией. Воеводе направлена царская грамота, согласно которой велено выдать челобитчикам по 5 руб. «для новые селитьбы на дворовое строенье» (в окончательном варианте в списке числятся уже 30 чел. детей боярских). При этом надлежало убедиться, что они «в Яблонице дворами на вечное житье строились, и указную свою пашню пахали и хлеб сеяли неоплошно, и с Яблоново никуда не сбежали». Наконец, строго предписано выдать жалование только лично в руки («а за очи никому никакого нашего жалованья не давал, и того смотрел и берег накрепко, чтоб никто ни на кого за очи и подставою на взял»)¹⁵.

Что касается годового жалования, то его помещики деревни Кузькин Верх получили уже значительно позже, по результату рассмотрения Разрядом коллективной челобитной служилых людей из нескольких населенных пунктов уезда. Это произошло после обращения к воеводе Измайлову детей боярских починка Тростенец, деревни Кузькин Верх, села Халани с деревнями Ковылино и Прилепы, а также казаков села Голубино — всего 138 чел. Указ о выдаче жалования был подписан в Москве 19 декабря 1646 г., а привез его в Яблонь вместе с деньгами подьячий Кузьма Колокольцев 7 января 1647 г. Раздачу жалования воевода с подьячим провели в присутствии надежных служилых («лучших людей») из числа детей боярских и казаков, которые должны были следить, чтобы среди челобитчиков не было таких, которые «в Яблонице на вечное житье на ся места не устроились, и земли не пахут, и хлеба не сеют, или которые бражничают и наше царское жалованье пропивают и зерню проигрывают, или они каким воровством промышляют» — таким в выдаче жалования необходимо было отказать. Были составлены книги денежной раздачи и поручные записи, которые Колокольцев привез в Москву через две недели, 22 января¹⁶. Эти книги в фондах РГАДА также не сохранились¹⁷.

Вернемся к отдельной книге. Ее содержание удалось восстановить благодаря выписи, которую воевода Измайлов выдал детям боярским 5 декабря 1646 г., то есть почти через год после выделения им поместной земли. С этой выписи, хранившейся на руках у однодворцев — потомков первых жителей Верхнего Кузькино, во время проведения генерального межевания в конце XVIII в. была сделана копия, отложивша-

я в фондах Межевого архива РГАДА. Из этой копии узнаем ряд важных деталей о произведенном отделе, в ходе которого мецнянин Игнатий Гринев (как и указано в описи за 1668 г.) выделил тридцати нововерстанным детям боярским участки земли «на Кускине бояраке».

Поместья, которые получили дети боярские, включали в том числе участки под пашню, места под дворы, огороды, гумна и скотские выгоны, всего по 30 четей человеку (а в два потому ж). Размеры участков под дворы составляли 20 х 20 саженой, под гуменные места и огороды — 20 х 40 саженой. Из документа можно получить общее представление о границах владений служилых людей. Межа поместным землям проходила от дуба с межевой отметкой («гранью») И. Гринева у Кускинского изрога к Кускинскому бояраку, затем шла вниз по реке Халани до старой межевой грани на толстом дубе, находившемся через крутой боярак от деревни Прилепы, далее пересекала реку Халань и через дол выхолила к Портошной поляне — к дубу со старой межевой меткой М. Лодыженского¹⁸, затем до Портошной дороги, и по межевым отметкам на столбе и дубах через реку Халань возвращалась обратно¹⁹.

Приведем список фамилий первой группы детей боярских — будущих жителей деревни Верхнее Кузькино, получивших здесь землю в начале 1646 г.: Алехин, Бабанин, Войлоков, Вытовтов, Гридин, Гущин, Зайцев (2 чел.), Зимняков, Каверин, Кирдеев, Косинов, Столбовской, Межаков, Мишуков, Титов, Просветов, Псарев, Пышкин, Сапунов, Селютин, Скубаев, Соломатин, Стрекозов, Сумароков, Черкесов, Чумаков, Шелушинин, Шишкин, Шоков.

В 155-м году А.Ф. Боборыкиным (брат прежнего воеводы г. Яблонь Р.Ф. Боборыкина) и подьячим И. Гавриловым составлена переписная книга Яблоньского уезда, в которой впервые упоминается и деревня Кузькин Верх. Состав помещиков почти целиком совпадает с выпиской из отдельной книги (с учетом некоторых вариаций в написании фамилий и других особенностей, о которых будет сказано ниже). Согласно архивной описи, данный документ датирован 1646 г.²⁰

Немногим более чем через месяц после того, как воевода Измайлов выдал выписку первой группе детей боярских, 15 января 1647 г. он выдает подобную же выписку второй группе служилых людей из новой отдельной книги земель на том же «Кускине бояраке». Дальней-

шее изучение документов показало, что в этот день ему подали челобитную «неверстанные дети боярские» во главе с Демкой Ситниковым (всего 20 чел.), которых воевода в тот же день поверстал в службу и отделил им землю рядом с помещиками деревни Кузькин Верх²¹. Это и объясняет тот факт, что он сделал вторую выпись из отдельных книг вскоре после предыдущей, хотя сами факты отдела земли этим двум группам служилых людей отстояли друг от друга приблизительно на год. Подлинную верстальную десятню на вторую группу детей боярских обнаружить также не удалось, но упоминание о ней («книга новичного верстанья» воеводы С. Измайлова за 155 год) снова находим в описи архива Разрядного приказа за 1668 г.²²

Детали отдела земли зафиксированы в копии из выписи, которая также выявлена в Межевом архиве. В документе приведены имена 20 новостановленных детей боярских, поместья которым были отведены «смежно с кускинскими помещики с Симаном Войлоковым». Описание межи совпадает с первой выписью, общее число помещиков составляет 50 чел. Обе выписи по меньшей мере до конца XVIII в. находились на руках у однодворцев села Верхнее Кузькино, о чем свидетельствует приписка на копии, сделанная в процессе рассмотрения спорного дела в Новооскольской межевой конторе, куда они ее представили в 1784 г.: «поверенные Матвей Шелушинин, Михайло Потапов обратно к себе взяли»²³.

Остановимся подробнее на личности главного челобитчика. Дементий Федоров сын Ситников служил в казаках сначала в городе Сапожок — в 1637 г. находим его в списках сапожковских казаков²⁴. В апреле 1640 г. сведен на службу в город Яблонов, 17 апреля за него поручились другие сапожковские казаки²⁵. В 1642 г. десятник, 13 января он закупил в государевом амбаре осьмину проса, 7 февраля с товарищами купил три полуосьмины гречи, а 31 апреля ему выдано жалование в размере 2 четвертей овса на семена²⁶. Во 2-й пол. 1640-х гг. в казаках служил его сын Микита, а позже в солдатах и детях боярских еще несколько сыновей. Дементий же находился на службе необычайно долго: в сказках яблоновских служилых людей за 1675 г. он по-прежнему числится в детях боярских, причем его сыну Тимофею на тот момент уже было 35 лет²⁷. Таким образом, Дементий прослужил около 40 лет. При сопоставлении сведений из разных архивных источников неко-

торую сложность представляла точная идентификация персон, так как в списках служилых людей Дементий, а также его дети записаны то, как Ситниковы, то, как Абрамовы.

Полный список фамилий второй группы детей боярских, получивших земельные наделы в деревне Кузькин Верх: Азаров (2 чел.), Алексеев, Вороновский, Говоров, Головков, Зацепин, Иваников, Климов, Кривушин, Ломакин, Масленников, Маслов, Новиков, Полянский, Потапов, Русинов, Ситников, Хохлов, Цыпкин.

Любопытно дальнейшее развитие событий. Из отписки воеводы Измайлова следует, что верстальные десятни и отдельные книги он планировал отправить в Москву с Ситниковым. Однако, судя по помете на обороте челобитной, эти документы при его воеводстве в Разряд не ушли — возможно, Измайлов не успел этого сделать, так как готовился к передаче дел новому воеводе, которая состоялась через несколько недель, 6 февраля 1647 г. Эти книги уже при следующем воеводе в Москву увез другой челобитчик из той же группы детей боярских — Микифор Климов²⁸. А понадобилось это вот почему.

3 марта, через месяц после вступления в должность нового воеводы Федора Леонтьева, те же 20 детей боярских во главе с Ситниковым по примеру своих соседей и сослуживцев били ему челом и, ссылаясь на опыт Симона Войлокова и других, просили о выделении им годового жалования и подъемных на постройку домов. С этой челобитной воевода отправил в Москву Микифора Климова. Судя по пометам на документах, сначала, 22 марта, Микифор передал в Разряд отписку предыдущего воеводы Измайлова о верстании 20 детей боярских и сдал сами верстальные и отдельные книги, а уже на следующий день — 23 марта — подал челобитную на получение жалования²⁹. Вероятно, таким образом предполагалось избежать возможной реакции на позднюю доставку книг, а может быть, для подачи челобитной на выдачу жалования необходимо было сначала «провести» десятни по некоторым внутренним процедурам Разряда, чтобы дьяки имели возможность делать из них нужные выписи.

Менее чем через неделю решение по челобитной было принято: согласно помете думного дьяка Ивана Гавренева от 29 марта, решено выдать челобитчикам «для новые селитьбы» по 5 руб. (соответствующая память была направлена в приказ Большого прихода в день подачи челобитной 23 марта). В тот же день, 29 марта,

составлена царская грамота воеводе Леонтьеву, по которой денежное жалование, отправляемое в Яблонов с Микифором Климовым, подлежало выдать челобитчикам лично в руки с обязательным составлением поручных записей, а кроме того, собрать информацию о том, откуда они пришли, службе отцов, женаты ли и о наличии детей, все это записать в книги, которые отправить в Москву, а второй экземпляр держать в Яблонове в приказной избе. Ф. Леонтьев получил жалование 1 мая, раздал его детям боярским, взял поручные записи и отправил соответствующие книги в Москву с Василием Сипуновым, который передал их в Разряд 28 июня³⁰.

Таким образом, первыми поселенцами деревни Верхнее Кузькино стали 50 яблоновских нововерстанных детей боярских. Согласно окладным книгам церковей Яблоновского уезда за 1653 г., в деревне по-прежнему числится 50 дворов детей боярских³¹.

Поименное сопоставление списка первых жителей деревни Кузькин Верх с более ранними источниками показало, что большая их часть верстана из яблоновских казаков или казачьих родственников. Так, 22 человека ранее зафиксированы в казачьей службе, а 1 чел. в стрелецкой — они встречаются в различных документах по Яблонову за 1642, 1644, 1645 гг.; еще 9 чел. имели казачьи фамилии, а 1 стрелецкую. Таким образом, 33 из 50 чел. имели казачье (стрелецкое) происхождение. Фамилии оставшихся 17 чел. ранее в уезде не зафиксированы, в том числе в документах за годы, непосредственно предшествовавшие верстанию — послужных списках за 1644/45 г., что не позволяет достоверно определить их социальное происхождение. Основную часть этой последней группы, вероятно, составляют «сходцы» из других городов, что также подтверждается неоднократным упоминанием воеводами о верстании ими в дети боярские служилых «из разных городов». Впрочем, для рассматриваемого периода нужно учитывать и возможную вариативность или отсутствие фамилий у казаков (что иллюстрируют приведенные выше примеры с Войлоковым и Ситниковым), поэтому доля яблоновских казаков среди нововерстанных детей боярских — первопоселенцев Верхнего Кузькино может оказаться выше.

Интересные выводы удалось сделать в результате перекрестного сравнения состава служилых в отдельных книгах (и челобитных) и переписной книге Яблоновского уезда за 1646 г.

Так, из первой группы в 30 детей боярских, получивших в начале 1646 г. землю под Кузькиным буераком, двое (Зимняков и Псарев) не записаны в переписной книге Боборыкина (т. е. не успели построиться к этому моменту), но их дворы находим в окладной книге за 1653 г. Если Зимняков служил в казаках и встречается в списках уже в 1642 г., то Псарев в более ранних документах не встречается, то есть, по-видимому, появился в уезде незадолго до верстания.

С другой стороны, состав помещиков в переписной книге не ограничивается только детьми боярскими из первой группы. Так, из 33 дворов деревни Кузькин Верх, зафиксированных Боборыкиным, четверо (Вороновский, Кривушин, Кузькин/Цыпкин и Русинов) получили здесь поместья в составе второй группы детей боярских, что как показано выше, произошло уже в январе 1647 г. Вряд ли они могли поселиться до выделения им земли, рассчитывая на положительный исход дела. Скорее, можно говорить об основании для уточнения датировки переписной книги Яблоновского уезда за 155 г. (1647/48 г.) более поздним периодом, а именно с января по август 1647 г. включительно. Очевидно, что большинство детей боярских из второй группы построились здесь, начиная с мая 1647 г., когда они получили деньги на дворовое строение. Поставить дворы раньше могли себе позволить лишь те, у кого на эти цели имелись свободные средства.

Практика верстания казаков и их родственников в дети боярские продолжилась и при следующих воеводах в 1647—1648 гг. В начале 1647 г. воеводе Ф. Леонтьеву били челом яблоновские казаки и стрельцы, сообщившие, что за время их службы в Яблонове «дети и братья и племянники поросли и поженились, и стали они ныне семьянисты, да стало с детьми своими в одних службах жить тесно, и пашни им мало». То есть основной причиной желаемого перехода в чин детей боярских обозначался в данном случае недостаток пашенной земли в казачьих полях. Поэтому казаки просили поверстать их в дети боярские и выделить землю, указывая между прочим, что всего в 6—10 верстах от Яблонова было достаточно свободных пашенных земель. Однако очевидно, что переход в дети боярские в то время для казаков являлся и определенным социальным лифтом.

Обращаясь по этому поводу в Москву, воевода отмечал, что без государева указа казаков и стрельцов, а также их родственников он «в дети боярские поверстать не смеет», поэтому остав-

ляет это вопрос на решение государя. Таким образом воевода снимал с себя ответственность за самостоятельные действия, поскольку верстание в дети боярские служилых людей по прибору противоречило действующему законодательству. Челобитную воеводы в Разряд 6 мая доставил казак Карп Хвалимов³². Царская грамота с указаниями воеводе была составлена в том же месяце. В дальнейшем на эту грамоту в своих челобитных неоднократно ссылаются как дети боярские, так и сам воевода. В одном из столбцов случайно удалось обнаружить ее черновой вариант (отпуск), согласно которому воеводе предписывалось поверстать в службу новиков детей боярских, а также казачьих и стрелецких детей, не находившихся на службе, по следующему принципу: «у которых три сына — взять по сыну». Были прописаны размеры окладов по статьям (в том же размере, что и в прежнем указе из Москвы за 1645 г.): 1 статья — 150 четей и 5 руб., 2 статья — 100 четей и 4 руб., 3 статья — 70 четей и 3 руб. с полтиной (казачьим и стрелецким детям оклады назначались по 3-й статье). Поместные земли полагалось отделить по 20 четей человеку в «средних местах», а «в добрых и угодных местах» — по 10 и по 12 четей. Любопытно, что из черновика удалена фраза «и чтобы их поселить тысячу чел.». Вероятно, первоначальные планы по заселению уезда были более грандиозными. Как обычно, надлежало составить верстальную десятню, записав в нее «каков кто на службе будет конен и оружен», а новиков «привести к кресту» в приказной избе³³.

Сохранилась справка, составленная разрядными дьяками при подготовке решения о верстании, которая как бы резюмирует рассматриваемые в данной статье процессы: в ней перечислены источники пополнения уездной корпорации детей боярских в эти годы и обозначены причины верстания из казачьей и стрелецкой службы: «верстаны они в Яблоне в дети боярские из вольных людей розных украинских городов — от отцов дети и от братьев братья, и от дядь племянники, которые не в службе, а иные верстаны яблоневские казачьи и стрелецкие дети по челобитью отцов их яблоневских стрельцов и казаков, для того, чтобы яблоневские стрельцы и казаки, будучи в Яблоне, пашенные свои земли роспахали и детей своих и братьев многих поженили, а иные дети их и братья и племянники в службу поспели, и в одной стрелецкой и в казачьей службе осталось тесно»³⁴.

Воевода Ф. Леонтьев получил упомянутую выше царскую грамоту за подписью дьяка Г. Ларионова 8 июня 1647 г.³⁵ Теперь, заручившись согласием Москвы, он смог приступить к осуществлению намеченного и запустил процедуры верстания в дети боярские из казачьего и стрелецкого чина и выделения им земель в Яблоневском уезде. Этот процесс растянулся примерно на год и пришелся на время правления нескольких воевод. В ходе него в дети боярские были верстаны и испомещены землей будущие жители трех новых деревень — по 50 чел. в каждой: Лозного — первая группа воеводой Ф. Леонтьевым в июне — августе 1647 г., вторая — А.И. Буйносовым-Ростовским и С.М. Вельяминовым в июне — августе 1648 г., Васильева Дола — первая группа Ф. Леонтьевым до февраля 1648 г. (35 чел.), остальные — до августа того же года; Проточного — верстаны, вероятно, в феврале, а земли получили до июня 1648 г. Поименный анализ указывает на казачье и стрелецкое происхождение и в отношении большинства детей боярских указанных населенных пунктов. Так, 40—55% помещиков Проточного и Васильева Дола удалось обнаружить в более ранних списках среди яблоневских казаков и стрельцов, еще около 10—15% в числе их родственников, а если учесть все фамилии, зафиксированные ранее в уезде среди этих категорий служилых — выходим на долю 75—80%. По Лозному цифры меньше из-за того, что почти половина фамилий лозновских помещиков ранее в уезде не встречается, то есть прибыли сюда незадолго до верстания.

Итак, после экстенсивного расширения корпорации детей боярских Яблоневского уезда, происходившего до середины 1640-х гг. путем присоединения населенных пунктов Оскольского уезда, в последующие 1646—1648 гг. несколькими яблоневскими воеводами было осуществлено увеличение их численности еще на 200 чел. через механизм верстания, источником которого в большей степени стал местный контингент служилых по прибору, а именно казаков и в меньшей степени стрельцов. Для оценки масштаба проведенных мероприятий, стоит отметить, что к началу этого процесса в 1646 г. детей боярских в Яблоневском уезде насчитывалось всего 81 чел. (21 — тростнецкие помещики и 60 — халанские), кроме того в близком социальном статусе находились 30 поместных казаков села Голубино. Таким

образом, численность яблоновских детей боярских за два с половиной года выросла почти в 3,5 раза. Нововерстанным детям боярским было выделено 6000 четвертей земли из числа «порозжих» на правом берегу Оскола ближе к Изюмскому шляху, где основано четыре населенных пункта — Кузькин Верх, Лозное, Васильев Дол и Проточное. Что интересно, рассмотренный процесс начался в 1646 г., а именно в этот год «прибылых людей» в Яблонове не было³⁶, тогда как в предыдущие годы они регулярно привлекались сюда на службу в количестве именно 200 чел. в смену.

Характерной особенностью при выделении земли стало использование воеводами с отдельных и строевых книг (а не сыскных и отказных — пример подобного делопроизводства детально рассматривался автором ранее³⁷), при этом документом, подтверждающим право собственности, служили выписи из этих книг, которые еще в конце XVIII в. хранились на руках у однодворцев данных населенных пунктов и использовались, в частности, межевой конторой в качестве основного доказательства прав на землю при рассмотрении спорных дел в период проведения Генерального межевания.

Наконец, еще одним неожиданным сходством оказалось то, что документы, составленные воеводами в процессе этих мероприятий, а именно отдельные книги, верстальные десяти, поручные записи и десяти денежной раздачи (все в двух экземплярах), не удалось выявить ни в фондах центральных учреждений (фонды разрядного и поместного приказов РГАДА), ни в фондах местных учреждений, а именно Яблоновской приказ-

ной избы³⁸, хотя достоверно известно, что в 60-х гг. XVII в. данные книги находились на хранении в архиве Разрядного приказа. Наконец, не обнаружено указаний на данные события и в фонде Печатного приказа.

Единственным источником для изучения деталей произведенных воеводами отделов земли стали выписи из отдельных книг (теперь очевидно также утраченные), дошедшие до нас в виде копий конца XVIII в., отложившихся в фондах Межевого архива РГАДА. Что касается фонда 1209 («Поместный приказ»), то здесь в делах молодых лет удалось обнаружить лишь копию по одному из четырех сел (копия 1813 г. с копии 1783 г. с выписи 1648 г. из отдельной книги помещикам села Проточного). Очевидно, что большой массив документов, в которых отражены рассматриваемые события, утрачен, что, впрочем, не является чем-то неожиданным: на утрату после XVII в. множества документов Разрядного приказа не раз обращали внимание исследователи³⁹. В отношении изучаемой территории автором ранее уже упоминалась писцовая книга Яблоновского уезда писца Микиты Зыбина, которая еще 1760-е гг. находилась в Яблоновской воеводской канцелярии и активно использовалась при выдаче однодворцам справок о правах на землю, но в настоящее время также утраченная. С другой стороны, по опыту автора, источники, связанные с земельными отделами того периода, задокументированные в виде сыскных, мерных и отказных книг, в большей степени сохранились и находятся в числе документов Поместного приказа (например, отказы поместий в Орлицком стане тогда еще Оскольского уезда за 1640, 1648, 1649 гг.).

¹ Подробнее см.: Евсюков Д.Е. Об изменении границ Оскольского уезда в середине XVII в. в связи со строительством города Яблонова // Оскольский край: Научный альманах. М., 2021. Вып. 8. С. 26—42.

² См. например: Мизис Ю.А. Воевода Московского царства: (Р.Ф. Боборыкин на государственной службе). Тамбов; Мичуринск, 2012. С. 125—126; Шварев Е.В. Динамика численности служилого населения города-крепости Яблонова во второй половине XVII века // Белгородская черта. Белгород, 2020. Вып. 5. С. 121.

³ См. например: Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010. С. 480—507.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 221 (Опубл.: Описи архива разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. ст. К.В. Петрова. СПб., 2001. С. 86—262).

⁵ Там же. Оп. 12. Д. 170. Л. 78 (подробное содержание челобитной изложено в: Мизис Ю.А. Указ. соч. С. 168—169).

⁶ Там же. Оп. бд. Д. 6. Л. 14.

⁷ Там же. Оп. 12. Д. 176. Л. 15.

⁸ Там же. Д. 170. Л. 79.

⁹ Там же. Д. 236. Л. 49—50.

¹⁰ Там же. Оп. 20. Д. 221. Л. 317 об. (в публикации годом документа ошибочно указан 163 год, а Войлок записан как «Волков» и «Волоков»).

¹¹ Там же. Л. 317—317 об.

¹² Там же. Оп. 12. Д. 236. Л. 49—50, 71.

¹³ Там же. Д. 206. Л. 133.

¹⁴ Там же. Д. 236. Л. 71—73.

¹⁵ Там же. Л. 75.

¹⁶ Там же. Л. 367—371, 775—776.

¹⁷ Там же. Оп. 20. Д. 221. Л. 323 об. — 323.

¹⁸ Максим Лодыженский и подьячий Михаил Ключарев межевали ряд уездов, в том числе границы между Яблоновским и Оскольским уездами, в августе 1639 г., однако соответствующая писцовая книга не сохранилась.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2907. Л. 21.

²⁰ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 344. Л. 105—110.

²¹ Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 236. Л. 495.

²² Там же. Оп. 20. Д. 221. Л. 331.

²³ РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2907. Л. 22—22 об.

²⁴ Там же. Ф. 210. Оп. 10. Д. 44. Л. 281.

²⁵ Там же. Оп. 13. Д. 125. Л. 162—163.

²⁶ Там же. Оп. 6д. Д. 6. Л. 135.

²⁷ Там же. Оп. 12. Д. 762. Л. 657.

²⁸ Там же. Д. 236. Л. 495—495 об.

²⁹ Там же. Л. 496—496 об.

³⁰ Там же. Л. 498, 840—840 об.

³¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15827. Л. 128 об.

³² Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 230. Л. 194—194 об.

³³ Там же. Д. 224. Л. 162—164.

³⁴ Там же. Д. 274. Л. 72—73.

³⁵ Там же. Л. 346.

³⁶ Шварев Е.В. Указ. соч. С. 122.

³⁷ Евсюков Д.Е. Село Огибное Чернянского района: история основания и первые десятилетия // От Донца до Ворсклы. Белгород, 2016. С. 106—117.

³⁸ РГАДА. Ф. 1176; НИОР РГБ. Ф. 204 и др.

³⁹ Описи архива ... С. 3.

